

В те моменты, когда казалось, что выхода нет и не будет...

Хо Цзыхань лишь в очередной раз перехватил беспокойные руки Е Юйцзэ и потянул его за собой вглубь дворца.

Хо Цзыхань хмурился, наблюдая, как тот, охмелев, бродит по комнате, тычет пальцем в углы, пинает мебель, а ушибившись, тут же начинает обиженно дуться.

Брови Хо Цзыханя сходились всё ближе. Он потянулся, чтобы отобрать у Е Юйцзэ намертво зажатый в кулаке кувшин с вином.

Но стоило ему приблизиться, как Е Юйцзэ, словно ужаленный, резко спрятал кувшин за спину, отпрянул и принялся отчаянно мотать головой:

— Нет! Тебе нельзя пить!

Хо Цзыхань не ожидал такой бурной реакции, но, увидев, что тот снова подносит кувшин к губам, широким шагом бросился к нему:

— Е Юйцзэ!

В пылу борьбы кувшин выскользнул из рук и с мелодичным звоном разбился о пол. Вино, коснувшись деревянного покрытия, мгновенно почернело, разъедая его.

Яд?!

Сердце Хо Цзыханя сжалось. С невероятной быстротой он схватил Е Юйцзэ за горло, а другой рукой с силой ударил его по спине, заставляя выплеснуть только что выпитое.

Затем он заблокировал его меридианы.

В вине яд. Е Юйцзэ так крепко сжимал кувшин... когда он начал пить? Сколько успел проглотить?

Дыхание Хо Цзыханя на миг сбилось. Он уже хотел обернуться, чтобы позвать лекаря, но почувствовал, как кто-то тянет его за широкий рукав:

— Побудь со мной...

— Кха...

Темная, почти черная кровь хлынула изо рта. Губы Е Юйцзэ стремительно синели, а тело стало ледяным.

— Дурачок, как я мог оставить себе путь к отступлению?

В глазах Хо Цзыханя что-то дрогнуло. Он вцепился в воротник Е Юйцзэ, его зубы стучали от неконтролируемой дрожи:

— Е Юйцзэ... как ты посмел?!

Глядя на Хо Цзыханя, который сейчас, подобно загнанному зверю, метался в неистовом бешенстве, Е Юйцзэ почувствовал, как сердце пронзила острая боль. Ему вдруг стало жаль его. Вспомнив, через какие муки прошел этот маленький никчемный глупыш, он попытался приподняться, чтобы в последний раз обнять его.

Но сил не хватило. Он лишь бессильно закрыл глаза, и сознание медленно покидало брентную оболочку.

Только когда тело в его руках окончательно остыло и дыхание замерло, Хо Цзыхань прижал его к себе.

— Думаешь, я прощу тебя за это? Что за бред... Се Лянъи говорил, что если я отпущу тебя, то...

Хо Цзыхань крепче обнял ледяное тело, целуя тонкие черные пряди волос у него за ухом, и тихо прошептал:

— Но в этом мире, пусть хоть кто-то спасает тебя, пусть хоть кто-то боится тебя или склоняется перед тобой — я же хочу лишь уничтожить тебя... В конце концов... и любовь, и ненависть — всё это преподавал мне ты. Этого достаточно.

Граница Ючжоу, год Чэнтай Шаоцин, месяц Динмао, день Бинъинь.

Наложница Е скончалась.

Говорят, Владыка Демонов, пытаясь выследить источник яда, собственноручно перебил сотни людей.

Затем послышались стоны и крики боли. Вся Дворец Демонов охватил ужас, и в пламени грандиозного пожара всё было выжжено дотла.

Тот огонь полыхал целые сутки, не утихая.

Ходили слухи, что Хо Цзыхань, окончательно обезумев, подвергал одного из своих стражей невыносимым пыткам до тех пор, пока тот не испустил дух, но даже перед смертью несчастный не смог сказать, что именно прошептал ему Е Юйцзэ в ту ночь.

Поверив словам колдуньи Янь Тан, Хо Цзыхань начал массово похищать людские души и проливать кровь ради продления жизни, пытаясь воскресить Е Юйцзэ.

Земля погрузилась в хаос. Казалось, явился новый тиран, превзошедший в своей жестокости даже прежнего правителя-сластолюбца Е Юйцзэ.

В конце концов люди загнали Хо Цзыханя на Алтарь Жертвоприношения Богам. Они пытались сообща уничтожить его, но не смогли нанести ни единой царапины, лишь сложили головы, побросав оружие.

И когда последняя надежда угасла, Се Лянъи, Бог войны, столетиями не вмешивавшийся в дела смертных, вернулся, сжимая в руке Цичжань. Он произнес лишь одну фразу, заставив демона добровольно отречься от своего совершенствования и прыгнуть с того самого Алтаря, с которого когда-то прыгнул Е Юйцзэ.

— Я не смог удержать тебя, верно?

В тот день выпал густой снег. словно грандиозный цветочный дождь, он укрыл собой всю любовь, всю ненависть и всё безумие.

Спустя несколько лет, в очередной снегопад, Се Лянъи сидел на каменной скамье в саду, и его волосы и одежды были усыпаны белыми хлопьями.

Маленькая девочка прыгнула к нему на колени и заерзала:

— Отец, у меня правда нет матушки?

Се Лянъи опустил взгляд, в его глазах блеснул слабый свет. Помолчав, он покачал головой:

— Зато у тебя есть еще один отец...

Потухший было взгляд девочки снова загорелся:

— Правда? У меня есть еще один отец?

— Тогда где он... почему он никогда не приходит навестить нас?

При этих словах всегда невозмутимый Се Лянъи вдруг вздрогнул. Лишь спустя долгое время он тихо ответил:

— Его... я убил собственными руками.

В его голосе звучала холодная отстраненность, а в невольном вздохе — скрытая борьба.

— Почему? Разве он был плохим человеком?

Се Лянъи промолчал, отрешенно глядя на черты лица ребенка и на точно такие же, как у того человека, красные пряди волос.

Так похожа...

— Он, видишь ли... был негодником.

Тихий шепот отца, полный боли и одновременно нежности, заставил девочку замереть.

Она была очень умной и, заметив, что отец опечалился, больше не стала расспрашивать о втором отце.

Она притихла, но ненадолго, и вскоре снова выглянула из-за его плеча:

— А что... что отец тогда сказал тому великому демону?

Се Лянъи очнулся от своих мыслей и начал поглаживать ее по спине, убаюкивая. Его голос был тише шепота:

— Просто передал слова одного старого знакомого...

— Ой, а что тот знакомый просил передать демону?

Малышка, движимая любопытством, продолжала допытываться, но отец больше не отвечал.

Ее начало клонить в сон. Она зевнула, и сквозь дремоту ей почудилось, будто она слышит тихий вздох отца и его холодный, как лед, голос:

— Маленький никчемный глупыш, я буду ждать тебя на рассвете...

Голос был таким нежным, словно во сне. Вскоре она крепко уснула в отцовских объятиях.

— Да твою ж мать! Е Юйцзэ! Мои показатели! Моя годовая премия! Мои почетные звания!

Система-мусор разразилась бранью:

— Раз уж ты решил провалить задание, мог бы хотя бы прикончить главного героя! Умер ты, конечно, красиво, а вот пожалеть главного героя и не дать ему коснуться отравленного вина — это что за приступы мягкосердечия?!

— Этот маленький глупыш всё-таки был выращен моими руками, остались хоть какие-то чувства...

— Да тебя просто прижали к постели и сделали всё, что хотели! Когда этот главный герой имел тебя, я что-то не заметил у него мягкосердечия. Каждый раз он доводил тебя до обморока, а потом был холоден как лед...

— ...

Е Юйцзэ опешил от такой тирады и даже не нашелся что ответить.

Он молча посмотрел на взбешенную Систему-мусор, гадая, превратится ли она сейчас от ярости в желе.

Система-мусор продолжала ворчать:

— Одно паршивое задание, и ты проваливаешь его восемь раз?! Меня скоро внесут в анналы истории систем! Всего-то нужно было спровоцировать главного героя на переход на сторону тьмы, свергнуть тирана, а потом сделать так, чтобы главный герой стал мудрым правителем — такая простая задача, почему ты такой бестолковый?!

Е Юйцзэ:

— ...

<http://bllate.org/book/18821/1831588>